

Предчувствую, что этот заголовок вызовет, мягко говоря, сложные чувства и у язычников, и у большинства христиан. Как так, христианство и арийство? Да, именно так, и более того, я намеренно обострю проблему, сказав: христианство это и есть арийство, арийство же есть христианство.

Знаю, такое утверждение крайне сложно принять. В сознании господствует огромное количество ложных стереотипов, которые вертятся вокруг церковных тезисов о всечеловечности и вселенскости христианства.

Но вот – в Библии праотец Ной пророчествует: «Да распространит Бог Иафета, и да вселится он в шатрах Симовых.» Но вот - после крещения Христа в Иордане воды его потекли на Север. Но вот – антропологи характеризуют облик Христов на туринской плащаницы как принадлежащий индоевропейской расе. Но вот – новгородский епископ Василий Калика повествует о священной Северной стране – рае земном, а Святой Максим Грек именуется последним гипербореем.

Откуда все это? Неужели извне, из язычества?

Нет, все это изнутри, из самой сути нашей христианской веры, которая не только отрицала нордическое язычество, но и утверждала его сокровенную (в большинстве случаев и для самих язычников) Правду, очищала ее от различных южных искажений.

Христианство всегда безкомпромиссно противостояло идолопоклонству, поклонению твари как Творцу. Им всегда отрицалось многобожие, расчленение единого Бога на множество своевольных и капризных божков, ведущих себя «слишком человечески». Но оно никогда не отказывало язычеству в том, что оно, наряду с заблуждениями, хранило и знание об Истинном Боге. «Не думайте, что лишь иудеи знали Бога», - восклицал апостол Павел. В храмовой традиции Православия было принято ставить иконы, изображающие языческих мудрецов – Платона, Сократа, Аристотеля и др., которые почитались христианами до Христа. Одним из таких христиан считался Александр Македонский, а его держава рассматривалась как прообраз первого, второго и третьего Рима.

Поэтому христиане и не думали отказываться от сильных сторон арийских, языческих религий. Напротив, они развили их до предела, очистив от неарийских, натуралистических заблуждений.

Мы знаем, что основу северной арийской духовности, в отличие от южной «душевности», составляет стремление человека соединиться с Божеством, достичь самого высокого из всех небес. Арийский герой – это полубог, а не тварь, резко отличная от своего творца.

Христианство решительно выступило за соединение Божественного и человеческого, за преодоление трагической пропасти между Творцом и творением. Уже само совмещение двух природ Христом – Богочеловеком – говорит об очень многом. Святые Отцы заявили вполне однозначно: «Бог стал человеком для того, чтобы человек стал богом» (Св. Афанасий Александрийский). Идея обожения, соединения с нетварными энергиями Божества («логосами», «идеями-волениями») красной нитью проходит через все писания мистиков Восточной Церкви, подчеркивающих, что вне такого соединения нет и не может быть спасения.

Святыми православного Востока (Афанасием Александрийским, Максимом Исповедником, Симеоном Новым Богословом, Григорием Паламой и многими другими), постоянно подчеркивали, что главная цель верующего христианина стать в Царствии Небесном «богом по благодати» или же «богом по усыновлению». Сами они применяли особые мистические практики в рамках Исихии (священнобезмолствия), позволяющие узреть Бога еще при жизни.

«Бог есть Свет, который внутри нас» - повторяли Святые Отцы и эта максима прямо указывает на арийское отношение к Богу, на отрицание южного креационизма, представляющего Его неким сугубо внешним Субъектом, демиургом, творящим мир как вещь.

Отличие христианского обожения от языческого лишь в том, что христиане больше внимания уделяют свободе личности. В язычестве идеал обожения был замутнен излишней духовной дерзостью, желанием вообще стереть границу между Богом и человеком. Наиболее полно он выражен в индуизме, где высшей целью считается полное слияние с Богом, растворение в океане Его абсолютной безбрежности. Согласно многим индуистским и античным доктринам Бог и мир неотличимы друг от друга, и последний представляет собой лишь проявлением (манифестацией) или истечением

(эманацией) первого. И в этом, кстати, кроется величайшая опасность материализации религии, ведь от утверждения «Бог есть мир» легко дойти до максимума «мир и есть Бог». Так оно зачастую и происходило – материя провозглашалась совечной и фактически равной Богу.

Христианство внесло в арийско-языческий манифестанционализм свои благотельные дополнения. Оно выдвинуло новую концепцию обожения, соединения с Богом, согласно которой человек не сливается с Божеством, не теряет своего Я в Его абсолютности. Он не лишается своей личности, соединяясь с нетварными энергиями, действиями Божественной сущности, которые равночестно исходят от всех Трех Ипостасей.

Из этого видно, насколько абсурдно обвинение христианства в том, что оно является «религией рабов». Личность и ее свобода (прежде всего, свобода выбора) – один из краеугольных камней веры Христовой. Часто приводят в пример церковное выражение «раб Божий», не зная (или забывая) о его интерпретации в церковном же учении. По мысли Отцов, «рабом Божиим» человек является в начале своего духовного пути и необходимость «рабства», т. е. смиренного и прилежного научения определяется незнанием многих истин. Но в конце пути «раб Божий» становится «другом Божиим». Св. Симеон Новый Богослов утверждал, что достигший единения с Богом «видит Его в себе и разговаривает с Ним как с другом». И друг Божий становится сыном Божиим, пусть и по усыновлению. Вот почему христианство надо называть не религией рабов, а религией богов.

Типично арийская религиозность заметна и в учении о Троице. Южная «духовность» склонна либо расчленять Божественное на множество своевольных и «слишком человеческих» божков, либо сводить Его к образу единственного демиурга-тирана – такого же «слишком человеческого». Напротив, северный дух относится к Богу как к совершеннейшему Чуду, которое выше множества и единичности, которое превосходит их в своей запредельной Полноте. Конечно, южное влияние часто низводило нордические традиции до уровня натуралистических мифологий, но и в язычестве никогда не угасала вера в единого и множественного Бога. О Едином Боге (Брахме) знали индуисты, как Ахура-Мазду Его почитали маздеисты, Единое-Благо воспевала и платоническая традиция. И наши языческие предки – древние славяно-русы – также верили в Единого Бога, о чем рассказывают византиец Прокопий Кесарийский и германец Гельмольд, «Влесова книга» и «Повесть временных лет». Однако, арийско-языческая мысль была не в состоянии подчеркнуть превосходство Бога над единичностью и множественностью. Она говорила (и то не всегда, вспомним скандинавскую, кельтскую и эллинскую мифологии) – «един и множествен», но не прибавляла – «а в то же время и не един, и не множествен». И в этом выразилось забвение изначальных гиперборейских представлений.

Они, эти представления, были воскрешены христианством, предложившим веру во святую и животворящую Троицу. По толкованию многих богословов (Св. Дионисия Ареопагита и др.) троичность Божества означает то, что оно выше как единицы, так и двоицы, т. е. начала множественности и разделения. Тем самым христианство возрождало, во всей полноте и величии, на новом уровне, древние нордические концепции.

Кстати сказать, знаменитое утверждение апостола Павла о том, что «во Христе несть ни эллина, ни иудея» (его часто приводят как пример космополитического мышления) выражало именно специфику троической религиозности христиан. По мысли апостола христианское представление о Боге отличается и от вульгарного многобожия эллинов, и от ультрамонотеизма иудеев. Вообще, приписывать христианскому богословию космополитизм довольно странно. По Апокалипсису деление на этносы сохранится даже и после Конца Света. Вот как описывает он Град Небесный: «Спасенные народы будут ходить во свете его, и цари земные принесут в него славу и честь свою.»

Критики христианства из числа неоязычников предпочитают изображать христианизацию Европы в качестве исключительно насильственного процесса. Они замалчивают о том, что ее поддержали самые лучшие силы языческого мира. В том числе – и часть жречества.

Так, по данным мало изученного древнерусского источника «Оповеди», еще в 1-м веке волхвы с острова Валаам под действием проповеди апостола Андрея приняли Христову веру. Они разбили капища Перуна и Велеса, основав мощнейшую христианскую общину. Ее руководители Сила, Фирс, Елисей. Лукослав, Иосиф и Косма сумели распространить влияние истинной веры по всей Скифии и оно продержалось довольно долго. Рассказывая о ее землях Блаженный Иероним (4 в.) писал: «Гунны изучают псалтырь, хладная Скифия согревается огнем веры истинной; войска рыжих и белокурых гетов и даков носят за собой походные храмы.»

Но особенно сильно христианизацию поддержала воинская прослойка – гордость, слава и мощь Руси Великой.

Тут весьма выделяются варяги — славные воины арийского Севера.

Для них был характерен самый пристальный интерес к христианству – не случайно первыми русскими мучениками стали два варяга-христианина, убитые толпой воинствующих сторонников старых богов (в летописях говорится, что среди первых русских христиан было особенно много варягов-воинов). Кстати, из всех этих богов варягам больше по душе был Перун – не случайно вокняжившись в Киеве при помощи варягов Владимир (будущий Креститель) поставил Перуна выше всех других божеств. В религии Христа и культе Перуне (христиане-варяги крайне почитали св. Илию Пророка – ветхозаветного громовержца) они видели суровую воинственную веру в огненное преобразование. Здесь варяги противостояли жрецам, более чтившими Велеса («скотьего» бога торговцев и песнеплетов), которые упрямо придерживались древнематериалистических представлений о вечности природы и материального мира. Настоящим воинам не был нужен вечный мир природы, подверженный тлену. Они, пусть очень часто и стихийно, жаждали иного мира, что рождается в огне. Поэтому они больше равнялись на Перуна, который в огненно-грозовом сражении с Велесом, освобождал великие воды, символизирующие хаос. Древняя славянская мифология, лучше всего хранящая гиперборейское наследие, полнее всех донесла весть о том, что мир погибнет в огне и воде – с тем, чтобы родится заново, в совершенно ином, Божественном качестве.

Да и вообще, варягам - профессиональным воинам, гордым витязям - нравилось, что христианство и «перунизм» апеллируют к аристократии, к княжеско-монархическому, а не жреческо-вечевому началу. (Здесь уместно задать вопрос антихристианам: «Как же быть с вашими обвинениями христиан в женственности и безволии, если саму христианизацию поддерживали, в первую очередь, воины, аристократы, князья?»)

Варяги – один из мощнейших элементов централизации Руси.* Они сыграли огромную роль в истории восточных славян. Исследователи давно уже отметили величайшее, для судеб Древнерусского государства, значение Причерноморья – Кубани и Крыма. Здесь существовали мощнейшие центры военно-морской экспансии русов на юг и восток. Так вот, генуэзские карты-портоланы локализуют в районе Боспора Киммерийского (Керченского пролива) некий «Варанголимен» - «бухту варягов».

Одной из важнейших опор князя Рюрика были именно варяги. «Влесова книга» рассказывает о том, как в еще доолеговы времена, отряды варягов прибыли в Киев и разгромили утвердившихся там, на время, хазар. Варяги же поддержали князя Олега в борьбе за киевский престол.

Зададимся вопросом – что же они представляли собой с этнической точки зрения? Сегодня почти любой с уверенностью скажет, что варяги – викинги-скандинавы, наемники, используемые князьями в борьбе за власть и во время военных походов.

Такое утверждение представляет собой один из самых распространеннейших стереотипов, доставшихся нам в наследство от долгих десятилетий господства норманистов в исторической науке. На самом деле варяги отнюдь не тождественны викингам. Уже давно многие отечественные историки (Ф. Л. Моршкин, И. Е. Забелин, А. Г. Кузьмин и др.) отвергли версию об их сугубо скандинавском происхождении и обратили свои взоры на южной побережье Балтики. В раннем средневековье оно было заселено славянами вплоть до устья Лабы (Эльбы). Именно здесь начиналась бурная история варягов.

Варяги имели три «ипостаси»: этническую, территориальную и профессиональную. Скажу вкратце о каждой из них.

Этническая. В свое время на юге Балтики жило славянское племя вагров-вагиров, название которых этимологически близко к слову «варяг». Там же источники локализуют племенной союз варнов-варинов.

Территориальная. В связи с упоминанием Варяжского (т. е. Балтийского) моря «Повесть временных лет» говорит, что «по сему же морю седять Варязи семо ко въстоку до предела Симова (так согласно тогдашней географической традиции именовалась Волжская Булгария – А. Е.), по тому же морю седять к западу до земле Агнянски (Дания – А. К.) и Волошьски (Франкская империя – А. К.)». Ясно, что викинги просто-напросто не могли населять южную Балтику, причем растягиваясь аж до Волжской Булгарии. Перед нами население южного побережья Балтийского моря, «выплеснувшееся» еще и на территорию европейской части современной России (историки давно зафиксировали наличие интенсивной колонизации балтийскими славянами восточнославянских земель Северной Руси).

«Профессиональная». На нее следует обратить особое внимание. Рассказывая о знаменитом призвании варягов в Новгород, «Повесть временных лет» утверждает следующее: «Сице бо звахуся тыи Варязи Русь, яко се друзии звуться Свие, друзии же Урмане, Англяне, друзии Готе, таки и си». Кто эти «друзии», т. е. другие? Совершенно очевидно, что речь идет о других варягах. Какие-то варяги были русами, какие-то

англянами и т. д. Значит они являлись еще и «профессиональной» полиэтнической (точнее – славяно-скандинавской) организацией. О наличии таких вот смешанных воинских сообществ рассказывает «Сага о Йомских витязях». В ней описывается отряд, состоящий из славянских и скандинавских воинов, расположенный в городе Волине.

Очевидно, варяги были чем-то вроде воинского ордена, имеющего древнейшие сакральные истоки. Само их имя явно указывает на священный праматерик Гиперборею. Дело в том, что слово «гиперборей» греческое и оно утвердилось как литературная форма, дошедшая посредством богатейшей эллинской мифологии. Но есть и более древние, восходящие к общеарийским временам, названия. Одним из таких названий являются индоарийская «Вараха» - так именовалась священная северная страна в ведической традиции. А иранские арии называли ее «Варой».

Скорее всего слово «варяг» (во всех трех смыслах) восходит к Варахе-Варе, о чем дополнительно свидетельствует факт их теснейшего сплочения вокруг князя Рюрика, представителя старейшей династии, ведущей свое происхождение от римского императора Августа и его предка Энея. Имя Рюрика также тесно связано с Варахой и Варой, на сей раз – логически. Оно есть форма западнославянского названия сокола, которого жители балтийского поморья именовали «ререгом». «Ререгами» звали себя и тамшнее племя ободритов. В XIX в. французский путешественник К. Мармье посетил Мекленбург, который, как известно в раннем средневековье представлял собой центр западнославянского племенного союза ободритов. Там он записал одну очень интересную легенду. Согласно ей, Рюрик – сын ободритского князя Годлава, призванный в свое время на Русь вместе с двумя братьями. («Иоакимовская летопись» сообщает, что мать Рюрика была дочерью новгородского старейшины Гостомысла.)

Изображение сокола служило в качестве герба династии Рюриковичей. Историк О. М. Рапов убедительно доказал, что на их монетах изображен сокол со сложными крыльями, пикирующий на свою жертву. Получается, что знаменитый трезубец Рюриковичей – схематизированное изображение сокола.

Ререгу-соколу этимологически близок огненный дух Рарог-Рариг. Славяне представляли его хищной птицей. Сокол пользовался популярностью и у других индоевропейских народов. Например, у древних иранцев, считавших его одной из инкарнаций (воплощений) иранского бога Войны и Победы Веретрагны (аналог нашего Перуна). Это божество считалось подателем Хварено – божественной световой энергии. Веретрагна назывался еще и Вархарном, что снова указывает на Вараху. Его инкарнацией был сокол.

Для кого-то все это покажется совпадением, но человеку Традиции будет очевидна именно мистическая подоплека подобного «совпадения».

Я уверен, что христианизация Руси была – в лице варягов – санкционирована носителями древнейшей гиперборейской традиции. Варяги это последователи культа, существовавшего еще до т. н. «язычества». Здесь имеется ввиду христианство – вера жителей Гипербореи, поклонявшихся Христу – сыну небесного Отца (об этом культе много писал Г. Вирт). Даже после грехопадения белые пралюди-адамиты знали о Христе и были единобожниками, поклоняющимися Троице (Святые Отцы утверждали, что Адам и его первые потомки могли непосредственно созерцать Бога). Деградация еще не зашла так далеко. Материалистический примитивизм и вульгарное многобожие появились лишь после второго – расового – падения сынов Гипербореи (библейских «детей Божьих»), которые смешались с дочерьми («дочерьми человеческими») южной Гондваны, переняв от них элементы их натуралистических, варварских культов. Так и возникло «язычество», сочетающее нордическую, христианскую Правду и южную, пантеистическую Кривду.

Вместе с тем всегда были (их просто не могло не быть, по логике вещей) арийские посвященные, которые хранили гиперборейский культ в относительной чистоте. Они всегда стояли на защите единобожия и верили в огненное преображение мира. Из их среды вышел Заратустра, они сообщили скандинавам истинно-гиперборейское понимание распятого Одина, как прообраза распятого Христа, ими же был основан откровенно протохристианский культ Митры. безспорно существование у них особых воинских, орденских корпораций, основанных на сугубо нордическом – цельном, суровом, мужественном — понимании Божественной и мирской действительности. Эти структуры вели напряженную борьбу с большинством языческого жречества, погрязших в «волшебном материализме», который на социальном плане вел к вечевому демократизму. Одной из таких структур и были варяги, объединявшие элитных, священных воинов Севера – славян и скандинавов.

Мы не можем, не имеем права разделять христианство и арийство – они не разделимы. Да, веками враги расовой идентичности нашей Веры, проникшие во внутрь церковной ограды, пытались вытравить из христианства его арийскую суть. Да, порой и истинные подвижники не обращали должного внимания на расовой аспект религиозности считая многие вещи очевидными и не нуждающимися в особом рассмотрении (не будем забывать о здоровой национальной основе традиционных обществ). Но все это не должно останавливать нас в нашем стремлении к нордическому осмыслению христианства.

Пророчество праотца Ноя требует от нас объявить четко и откровенно: «Христианство – это религия для ариев.» Не только для них, но прежде всего для них. И здесь многое придется пересмотреть. Придется отказаться от миссионерства, которое есть безумие в наше время, когда белый мир стремительно вырождается духовно и физически, прощаясь с последними остатками христианского мировоззрения. Возможно ли нести свет Христов разным неграм и папуасам, когда миллионы белых христиан находятся во тьме атеизма или же оккультизма? Не срамно ли спасать китайцев и японцев во дни, когда миллионы белых уловляются сетями дьявола и его прислужников – торгашей, банковских воротил?

Любое усилие по воцерковлению хотя бы одного неарийца есть усилие, отнятое у дела спасения одного из арийцев. Надо выбирать и выбирать, руководствуясь уже упомянутым библейским пророчеством – не много и не мало. Или-или – третьего не дано.

«А что же вселенскость» – спросят иные? Да ведь она, при верном рассмотрении, не отрицает расового подхода и более того утверждает его. Великая Раса, как и великая Нация имеют мировое значение, реализуют себя во вселенском масштабе. Наша Церковь действительно вселенская Церковь, но эта вселенскость не должна означать принижение рода Иафетова, забвения его Избранности. Арии живут везде, арии везде создают величайшую культуру – величайшую и в добродетели, и в пороке. Арии уже самим своим существом свидетельствуют о Христе. Кто из неарийцев поймет это – пусть идет к нам – никто и не думает выкидывать их из Церкви. Разговор не об этом. Разговор о том, как вернуть в Нее расовое понимание сути христианства, распространенного по миру сынами Иафета.

* Киевские дружинники-христиане группировались вокруг церкви св. Ильи Пророка. Об этом мы узнаем их «Повести временных лет», описывающей как русские витязи клялись Перуном или богом – в зависимости от своей религиозности принадлежности. Кстати, ничто не мешало воинам-христианам отважно биться с единоверцами из Византии, что еще раз опровергает измышления об антипатриотичности христианства.

** Сокол-ререг был широко известен и у славян восточных. Воин-сокол часто

встречается в русском эпосе. Так, былинный Вольга-богатырь часто оборачивался этой грозной птицей и в ее обличье сражался с черным вороном Санталом. Во Владимировых былинах Илья Муромец и Добрыня Никитич путешествуют по Хвалынскому (Каспийскому) морю на «Соколе» - корабле, который подвергается нападению «черных воронов» (турок или татар). В Киевской Руси черными воронами называли половцев, а соколами – князей-русичей.